

ЦЕРКОВНЕ
ПРАВО

*Архимандрит Кирилл (Говорун),
преподаватель КДА*

**Несколько замечаний
по поводу структуры
Поместных Православных
Церквей**

Настоящая статья содержит несколько соображений по поводу административно-канонической структуры Поместных Православных Церквей и ее исторического генезиса. О генезисе мы можем говорить постольку, поскольку структура Церквей возникла не вдруг, но в результате длительного исторического процесса, который продолжается до сих пор и которому ничто не препятствует развиваться и далее. Вначале представляется целесообразным привести ряд общих мест, помнить о которых, однако, никогда не бывает лишним.

Итак, все существующие на данный момент Поместные Церкви составляют Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, которая имеет Главой Христа и составляет единый богочеловеческий организм, единое Тело Христово. В каждой Поместной Церкви представлена вся Единая Церковь без какого-либо уменьшения. Также в каждой части Поместной Церкви представлена вся Церковь Христова. Наименьшим элементом, в котором пребывает полнота Церкви, является евхаристическая община — будь это приход или монастырь. Как в каждой крошке евхаристического Тела Христова присутствует весь Христос, так и в каждой общине присутствует вся Церковь. Также весь Христос без остатка пребывает как в мельчайшей крошке евхаристического Хлеба, так и в целой Чаше, от которой причащаются верные. Подобным же образом вся Церковь представлена как малой общиной, так и епархией (епископией) или системой епархий, вплоть до Поместной Церкви. Также как весь Христос пребывает в Евхаристии в любой момент исторической жизни Церкви, так вся Церковь без умаления пребывает во всякой общине в любой момент ее исторического существования.

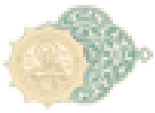
Залогом пребывания всей Церкви в одной общине является евхаристическая связь этой общины с другими подобными общинами. Равно и представленность всей Церкви Христовой в отдельной епархии

или системе епархий, вплоть до Поместной Церкви, возможно лишь при их общении с другими епархиями или системами епархий. Прекращение такого общения либо общиной, либо епархией, либо системой епархий (вплоть до Поместной Церкви) означает, что община или епархия перестает быть Церковью Христовой. Поэтому общение Церквей, представлены ли они общиной или целой Поместной Церковью, является императивом, необходимым условием, без которого Церковь уже не Церковь.

Каждая община, в которой преломляется Хлеб Евхаристии, как мы уже сказали, представляет всю полноту Церкви. Главой этой общины, или ее предстоятелем, является епископ. Епископ во все времена был и остается предстоятелем евхаристической общины. В апостольские времена все общины непосредственно возглавлялись епископами. Позже епископы «делегировали» свой дар быть главой общины рукоположенным ими священникам. Однако даже в том случае, когда в отдельной общине Евхаристия совершается священником, главой и предстоятелем этой общины остается епископ, который наделил священника полученным им от апостолов и их преемников даром. Евхаристия, совершаемая священником, совершается в действительности епископом. Поэтому за такой литургией существенным является поминовение местного епископа. Без такого поминовения литургия не может считаться действительной, ибо совершается не даром, переданным епископом, который, в свою очередь, получил его через апостолов от Самого Христа. Поэтому Церковь реализуется (благодаря Евхаристии) и пребывает в единстве (благодаря общению евхаристических общин) через епископов. Епископ представляет свою общину и, как следствие, полноту Церкви. Поэтому каноническая традиция Церкви не допускает полноправного участия в церковных Соборах тех епископов, которые не возглавляют ту или иную общину (т.е. титулярных, викарных, заштатных и т.п.), потому что они не являются представителями общин и церковной полноты. Общение общин осуществляется через общение епископов — общение в общих священнодействиях и, прежде всего, — в литургии.

Если каждая евхаристическая община обладает полнотой Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, пусть и при необходимом условии общения с другими общинами, — иными словами, она имеет евхаристическую и сотериологическую самодостаточность — тогда каковы были причины, по которым общины с течением времени стали организовываться в более сложные иерархические структуры? Эти причины однородны с теми причинами, которые вызвали формулирование догматического учения Церкви. Догматы веры вырабатывались и формулировались Церковью, как правило, в ответ на возникавшие ложные интерпретации апостольского Предания, то есть в ответ на еретические

учения. Таким образом, учение Церкви формировалось, отталкиваясь от негативного опыта, пытаясь противопоставить этому опыту иной — истинный опыт. Возникавшие ложные истолкования побуждали Церковь выразить истинное учение, переданное апостолами. Это не означает, что Церковь не обладала всей полнотой Предания всегда, начиная с дня Пятидесятницы. Опыт веры во Христа предполагает обладание всей полнотой Предания Церкви. Ереси побуждали Церковь лишь формулировать то Предание, которое она знала всегда. С другой стороны, без возникновения ажеучений Церковь вряд ли имела бы достаточно мотиваций формулировать свое учение, потому что она всегда обладает им в спасительной полноте.

Подобную «негативную» мотивацию имело также развитие иерархической структуры Церкви. Изначально христианские общины, основанные апостолами и их учениками, были достаточно самостоятельны. Безусловно, самостоятельность не была для них самоцелью и чем-то, что нужно было оберегать или отстаивать. Они имели общение любви друг с другом, пребывая в духе соборности, который был дан Церкви в самый день Пятидесятницы и неизменно пребывает с ней всегда. Кроме того, с особым почтением христиане относились к общинам крупных политических и культурных центров (Рим, Александрия, Антиохия, Иерусалим, Эфес, Каппадокийская Кесария, Коринф и т. д.), благодаря тому, что в них проповедовали апостолы, и они были центрами распространения христианства в регионах. Христианские общины крупных городов-митрополий, таким образом, рассматривались как «материнские» Церкви и имели «первенство чести». Такое первенство, тем не менее, не устраняло относительной самостоятельности и равноправности всех общин.

Равноправные свхаристические общины, созданные апостолами и их непосредственными учениками, могли пребывать в таком же виде, как они были основаны, до настоящего времени, не имея административной иерархичности. Однако, к сожалению, как внутри общин, так и между общинами стали возникать разногласия, которые нельзя было преодолеть лишь духом любви Христовой и чувством соборности и ответственности членов Церкви за сохранение единомыслия в Церкви. Эти разногласия стали возникать уже в эпоху апостолов. Внутри общин они решались, как правило, епископами. Разногласия же между общинами решались авторитетом апостолов и так называемых «мужей апостольских». Разногласия последнего рода начали приобретать особую остроту и иногда заходили в тупик уже в послепостольскую эпоху, когда в Церкви не стало апостолов и уменьшилось число равных им по авторитету мужей, которые ранее решали споры между общинами — уменьшилось, по крайней мере, по отношению к количеству общин,

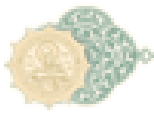

которое значительно возросло с распространением проповеди Евангелия. Также со смертью епископов, поставленных апостолами, и мужей, имевших апостольский авторитет, перед общинами возникал вопрос: кто и при каких условиях может поставять новых епископов. Иногда неразрешимой также оставалась проблема: как поступать с епископом, который нарушил переданное апостолами Предание — кто и по каким критериям может его судить.

Таким образом, Церковь со временем столкнулась с острой необходимостью решать три основные проблемы, всё чаще возникавшие перед ней: решение спорных вопросов, возникавших между общинами, поставление епископов и суд над епископами. Стремление Церкви решить эти проблемы стало главным мотивом для развития системы административной иерархии евхаристических общин. Действительно, при условии, что все общины находятся в одинаковом отношении друг к другу в плане административном, и при отсутствии явного духовного авторитета, который мог бы разрешить перечисленные вопросы, а также необходимого соборного сознания у всех членов общин, эти вопросы могли стать неразрешимыми. Место духовного авторитета и необходимого соборного сознания частично заняла административная иерархичность общин.

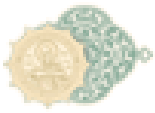
Здесь необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, административная иерархичность ни в коей мере не подменила собой необходимость духовного авторитета, а также соборного самосознания всех членов общины. Во-вторых, общины, которые становились административно выше других общин, не превращались в некие особые органы управления, но оставались теми же общинами, что, в-третьих, обуславливало то, что все общины, независимо от своего положения в административной иерархии, оставались равными в мистериальном плане, то есть всё так же в равной степени представляли собой всю полноту Церкви.

Теперь, сделав необходимые оговорки, можно затронуть вопрос генезиса административной структуры Церкви. Как уже было сказано, в апостольские и послепостольские времена христианские общины обладали относительной административной независимостью. Церковь практически не имела административной иерархии и не нуждалась в ней. Однако с умножением разногласий между общинами, особенно соседними, а также с возникновением общецерковных проблем (ересей и расколов) такое положение вещей стало служить скорее не благу, но вреду Церкви. В качестве оптимального решения проблемы Церковь пришла к необходимости самоорганизации в административную структуру. Поскольку административная структурность не вытекает органически из природы Церкви, то есть не задана, так сказать, в цер-

ковной природе, Церковь для самоорганизации воспользовалась внешним фактором — уже существовавшим политико-административным делением Римской империи, в которой, главным образом, распространялось христианство. Если христианство распространялось в других государствах, оно принимало административно-канонические формы, соответствовавшие политико-административному делению данного государства.

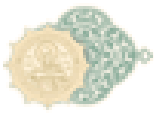
Таким образом, поместный принцип, или принцип географической близости, стал главным в административной, или «юрисдикционной», организации Церкви. Всякая Церковь всегда поместна. Это относится как к рядовой евхаристической общине, так и к Поместной Церкви. Действительно, отдельный приход объединяет людей, которые живут, например, в одной деревне или в одном районе города. (Поэтому объединение людей в один приход по какому-либо другому признаку — национальному, профессиональному или даже по признаку либеральной или консервативной идеологической ориентации с экклесиологической точки зрения едва может быть обоснован.) Также **Поместная** Церковь уже своим названием определяет критерий, по которому различные епархии объединяются в ней. Это критерий принадлежности к одному региону. Этим критерием не может быть национальный признак, что осуждено Церковью как ересь этнофилетизма (Константинопольский Собор 1872 года). С другой стороны, из принципа поместности Церкви вытекает так называемый принцип патриарха Фотия, по которому границы Церкви могут совпадать с границами государства, и отдельное государство может иметь свою **Поместную** Церковь (ср. 17-е правило IV Вселенского Собора: «Аще же царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку»). Также принцип поместности является обоснованием понятия «канонической территории». На одной канонической территории может находиться только одна Поместная Церковь (при этом мы понимаем Поместную Церковь в широком смысле — начиная от рядовой евхаристической общины и заканчивая Поместной Церковью в узком, техническом смысле), и никакая другая Поместная Церковь не в праве распространять свою власть на эту каноническую территорию. Принцип поместности дает ответ на злободневный вопрос о церковной юрисдикции в национальных диаспорах. Этот вопрос возник в связи с интенсивной эмиграцией на протяжении всего XX века православного населения из традиционно православных стран в Западную Европу и Новый Свет, где не было своих Поместных Церквей. В результате в указанных регионах оказались представлены почти все традиционные юрисдикции. Кроме того, что это нарушает принцип поместности и лишает смыс-

ла понятие канонической территории, это приводит к разногласиям и нестроениям, которые негативно влияют на жизнь Церкви в целом. Единственным выходом из этой проблемы, который подсказывает сама каноническая традиция Церкви, является создание Поместных Церквей в Америках, Европе, Австралии и т.д. Русская Православная Церковь первая сделала шаг в этом направлении, даровав в 1970 году своей дочерней Церкви в Соединенных Штатах Америки автокефалию. Несмотря на нарекания, что это было сделано без согласования с другими Поместными Церквями, данный шаг был единственным канонически верным (спорить можно лишь о том, **как** он был сделан) на пути к решению проблемы диспоры в целом.

Второй важный вывод, который необходимо сделать из сказанного, состоит в том, что, помимо поместности, природу Церкви характеризует соборность. Соборность есть сама суть Церкви. Соборность одновременно и дана, и задана. Она дана нам в единой Евхаристии и задана в том, чтобы мы стремились к видимому единству. Именно поэтому мы молимся о «единении Святых Божиих Церквей». Обычно это прошение ектении понимается не совсем адекватно — как молитва о соединении различных христианских деноминаций в одну. Однако все христианские деноминации не могут быть «Святыми Божиими Церквями», потому что существует Единая Святая Апостольская и Соборная Церковь. Прощение ектении отражает наше, человеческое участие в богочеловеческом явлении соборности Церкви. Божественное участие в этом явлении состоит в преподании Сыном Божиим Своих Плоти и Крови. Человеческое, то есть наше, участие состоит в исполнении заповеди любви к Богу и ближнему, потому что эта любовь является основой соборности. Таким образом, молясь о единении Церквей, мы молимся о даровании нам любви к Богу и ближнему — любви, которая является нашим вкладом в акт соборности Церкви.

Соборность как экклезиологическое таинство с самого начала нашла выражение в формах административного управления Церковью. Церковь управляется соборно на всех уровнях своей организации — начиная с прихода и заканчивая Поместной Церковью (в узком смысле этого понятия), а также Церковью во всей ее совокупности. Действительно, приход управляется приходским советом во главе со священником; монастырь — так называемым духовным собором во главе с настоятелем; епархия — епархиальным советом во главе с епископом; Поместная Церковь — синодом или собором епископов во главе с патриархом или архиепископом. Наконец, вся Церковь управляется Соборами, совещаниями Предстоятелей Церквей и другими формами соборной администрации, где координирующую роль играет Вселенский Патриарх.

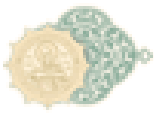

О последнем необходимо сказать отдельно. В разные эпохи Церковь находила различные способы выражать общецерковную позицию по тем или иным вопросам, которые возникали перед ней в процессе ее исторического развития. Наиболее эффективным способом был и остается Вселенский Собор, в котором, по возможности, участвуют все епископы, хотя не было ни одного Вселенского Собора, в котором бы участвовали все до одного епископы Церкви. Епископы представляют свои общины, являясь их голосом. Таким образом, через епископов в Соборах участвовали те общины, которые епископы представляли. Полнота собрания епископов означала полноту Церкви, представленной на Вселенском Соборе.

Существует популярное заблуждение, что Соборов было семь и более не может быть. Это заблуждение противоречит самой природе Церкви, которая всегда готова выразить себя на Вселенском Соборе. Также остается неясным до конца, было ли Вселенских Соборов семь. В канонической традиции Церкви представлено убеждение, которое имеет множество авторитетных сторонников, что Собор 879–880 годов, бывший при патриархе Фотии, был Восьмым Вселенским Собором. Как Восьмой Вселенский осознавал себя сам этот Собор, а также последующая каноническая традиция. Другим примером может быть назван Латеранский Собор 649 года, который преподобный Максим Исповедник рассматривал как Вселенский.

В контексте соборности необходимо также понимать роль Вселенского патриарха. Вселенский патриарх ни в коем случае не является «главой» Православной Церкви. Он исполняет роль координатора и инициатора общеправославных форумов. При этом в таких форумах он участвует на равных со всеми остальными участниками правах. В полномочия Вселенского патриарха входят: инициатива созыва общеправославных форумов, касающихся общецерковных вопросов, координация работы этих форумов, а также председательство на них. Служение Вселенского патриарха предполагает скорее отдачу и жертвенность, чем особые права и привилегии. Патриарх — служитель единства Православной Церкви. В этом смысле он должен, когда это необходимо, даже жертвовать интересами своей Поместной Церкви ради интересов других Поместных Церквей и Церкви в целом. Безусловно, на жертвы в пользу единства должны идти все Поместные Церкви. И все они должны быть готовы скорее отдавать, чем принимать от своих Церквей-Сестер. Однако Вселенский патриарх, в силу своего особого служения, призван к жертвенности и самоотдаче более, чем другие Церкви.

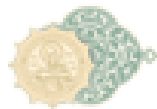
В первые века христианства роль всецерковного координирующего центра исполнял Рим. Всехристианское служение римских епископов, которое, прежде всего, было служением жертвенной любви, предпола-

гало скорее бóльшую ответственность и бóльшую жертвенность и отдачу, чем бóльшую власть. Когда Рим начал понимать свое вселенское служение как бóльшую власть над Церквями, между ним и Восточными Церквями возникли серьезные разногласия. Поскольку Рим настаивал на своем первенстве как первенстве власти, а не любви и жертвенности, другие Поместные Церкви прервали с ним общение любви.

После этого роль вселенского центра в семье Православных Церквей начала играть Церковь Константинополя. Хотя она несколько столетий разделяла с Римом служение Вселенского патриархата, с отпадением Рима она стала единственным таким центром. Причины, по которым как Римская, так затем и Константинопольская Церкви были возведены в ранг Вселенских, преимущественно прозаичны и связаны с политическим положением этих городов, а именно, что они были «городами царя и синклита». Так, 28-е правило IV Вселенского Собора поясняет, почему они получили особый церковный статус: «Ибо престолу ветхого Рима отцы прилично дали преимущества: **поселику то был царствующий град**. Следуя тому же побуждению и сто пятьдесят боголюбивых епископов представили равные преимущества святейшему престолу нового Рима, праведно рассудив, да **град, получивший честь быть градом царя и синклита** и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем».

И если Римская Церковь, кроме того, что была Церковью столицы империи, с апостольских времен имела также огромный нравственный и духовный авторитет среди прочих Церквей, то Церковь Константинополя не имела подобного нравственного и духовного авторитета, потому что селение Византион, на месте которого Константином Великим была построена новая столица, ничем особым в истории Церкви не отметилось. Если даже в особом статусе Римской Церкви отцы IV Вселенского собора подчеркнули лишь политический аспект, ничего не сказав о нравственно-духовном, то тем более исключительно политической была причина возведения Константинополя в статус, так сказать, церковной столицы. Предание об основании этой Церкви апостолом Андреем не обладает убедительной исторической достоверностью и возникло в позднейшее время с целью придать вселенскому статусу Константинопольской Церкви кроме политического еще и некое мистическое обоснование. Таким образом, в придании Константинопольской кафедре вселенского статуса Церковь руководствовалась главным образом прагматическими политическими соображениями, равно как и в своей административной организации. Этим прагматизмом, кстати говоря, объясняется тот, на первый взгляд, непонятный, факт, что Иерусалимская Церковь — «Мать Церквей» — получила лишь почетное пятое место в списке (диптихе) Поместных Церквей.

Несмотря на то что Константинопольская Церковь получила свой особый статус благодаря тому, что оказалась в столице вселенской империи, и после разрушения этой империи (символической датой падения империи считается 1453 год, когда турками был взят Константинополь; реально же империя сходила с исторической сцены в течение почти столетия) она сохраняет этот статус, вплоть до наших дней.

Таким образом, в существовании Церкви как богочеловеческого организма и ее историческом развитии как административно-канонической системы в полной мере воплотилась диалектика единства и многообразия. Эта диалектика оказалась универсальной для всех сфер христианской жизни, как то — триадологии (троичность и единичность Божества), христологии (две природы — единый Христос), антропологии (множественность частных сущностей и единство общей человеческой природы-вида) и т.д. С точки зрения этой универсальности, таинство Церкви может быть познано лишь в общем контексте христианской жизни. Христианская же жизнь, в свою очередь, может стать полноценной лишь при условии причастности каждого человека к таинству Церкви.

Труды Киевской Духовной Академии